

– Девица, – сказал ей Прекрасные Руки, – вы неучтивы, что так обращаетесь со мной, ведь, кажется, я сослужил вам хорошую службу, и хоть вы всякий раз грозились, что быть мне побитым встречными рыцарями, но всякий раз, несмотря на такую вашу похвальбу, были они повергнуты в прах и грязь. А потому прошу вас, не оскорбляйте меня больше; когда увидите, что я побит или сдался, тогда и гоните меня с позором, а до той поры, знайте, я вас не покину, ибо иначе я был бы уже вовсе глупец, что покинул вас, пока честь победы на моей стороне.

– Ничего, – говорит она, – вот скоро встретишься ты с рыцарем, который за все воздаст тебе по заслугам, ибо он – доблестнейший рыцарь на свете, не считая короля Артура.

– С превеликой охотой, – отвечал Прекрасные Руки. – Ведь чем доблестнее он, тем больше мне чести с ним сразиться.

И вот в скором времени увидели они впереди город богатый и прекрасный, а перед городом раскинулся больше чем на милю прекрасный луг, свежeverыкошенный и уставленный пестрыми, приятными глазу шатрами.

– Вон там, – говорит девица, – находится господин этого города, и у него такой обычай: располагаться в погожие дни здесь на лугу, проводя время в турнирах и поединках. При нем всегда пятьсот рыцарей и благородных воинов, и они устраивают всевозможные игры и состязания, в каких только может подвизаться благородный муж.

– Этого достославного лорда я бы очень хотел повидать.

– Погоди, ты на него еще вдоволь наглядишься, – отвечала девица. И поскакала вперед, высматривая шатер лорда.

– Вон, погляди, – наконец сказала она. – Видишь ли шатер, весь выкрашенный синей краской индиго? (И там, куда она указывала, все – и мужчины, и женщины, и лошади, и щиты с перьями, и копыя, – все было синего цвета.) Его имя – сэр Персиант Индийский,⁸¹ это величайший из рыцарей, каких ты когда-либо встречал.

– Возможно, что и так, – отвечал Прекрасные Руки, – но каким бы могучим рыцарем он ни был, я все равно не покину этого поля до тех пор, пока не увижу его под щитом.

– Глупец! – воскликнула она. – Лучше спасайся, пока еще есть время.

– Зачем? – отвечал Бомейн. – Раз он такой благородный рыцарь, как говорите вы, то он не набросится на меня со своими людьми, ну а если они будут выходить на меня по одному, то я ему ни в чем не уступлю.

– Тьфу! – говорит девица. – Надо же, чтобы какой-то вонючий кухонный мужик так выхвалялся!

– Девица, – сказал он, – дурно вы поступаете, что так надо мной глумитесь, ибо я предпочел бы сразиться в пяти поединках, чем подвергаться таким оскорблениям. Пусть он выходит против меня, и тогда посмотрим, насколько он страшен.

– Сэр, – сказала тогда она, – я дивлюсь тебе. Какого ты роду и откуда прибыл, что так смело говоришь, да и действовал смело у меня на глазах? Потому-то я и прошу тебя: спасайся, пока еще можно, ибо и сам ты, и конь твой немало сегодня уже потрудились, мне же страшно дольше медлить вдали от замка. Ведь нам осталось до места осады лишь семь миль и все опасности мы уже миновали, кроме этой последней, вот почему я так сильно страшусь, как бы тебе здесь не пострадать. И потому я хочу, чтобы ты поспешил прочь отсюда и не был побит и изувечен этим могучим рыцарем. Но знай, что сэру Персианту Индийскому далеко до того рыцаря, что осаждает мою госпожу.

– Ну, что до этого, – отвечал Бомейн, – то уж будь как будет, но раз уж я съехался столь близко с этим рыцарем, то не могу не помериться с ним силою прежде, чем мы расстанемся, не то позор мне будет, что я от него убежал. А потому, благородная девица, не бойтесь: с Божией помощью я так отделаю этого рыцаря, что покончу с ним к исходу второго часа после полудня, и мы еще засветло поспеем на подмогу к осажденной даме.

– Ах, Иисусе, дивно мне, что вы за человек. Ибо не иначе как вы благородного происхождения, потому что ни одна женщина так не глумилась, не издевалась над рыцарем, как я над вами,

⁸¹ Персиант Индийский (Индский) – назван не по своему происхождению, но по цвету его вооружения (индиго).